

ФОРМУЛА СВОБОДНОГО ВОСПИТАНИЯ, или В поисках педагогических истин

Александр Мурашов, профессор, доктор филологических наук

Возможно ли воспитание у нас, в нынешней России, в принципе? И так ли оно нашим детям нужно — воспитание? Задумаемся, не пора ли нам переквалифицироваться — пусть не в управдомы, а, скажем, станем писателями-фантастами. Ведь мы в своём повседневном воспитательном запале стараемся (не приведи бог!) не смотреть вокруг, а заглянуть в неведомую и нереальную страну, где всё наоборот.

- фантазии и реальность • свобода и несвобода • патриотизм
- лидеры и аутсайдеры • социальное и асоциальное • идеология

Фантазии

В той стране читать и писать книжки — хороший тон, а драться и материться — дурной. Уступать дорогу, благодарить и подавать руку в той стране — признаки настоящего человека, а квасить, вспоминать недавнее мочилово и гонять футбольный мяч, не умея решить простейшую арифметическую задачку, — позор, достойный полного и абсолютного остракизма. В той стране, за которую мы по старинке держимся, как за прекрасное далёко, немывое пьянство не считается добродетелью, а небритое слёвывание в клумбу с цветами — верным атрибутом патриота. Там не твердят о «зарабатывании денег» как о способе существования, который важен, чтобы человек ненароком не поднял глаза: в той стране человека просто окружает не то, что было бы стыдно показывать и на что было бы невозможно посмотреть без жутковатого холодка внутри.

Но это — в той стране, которую мы, фантасты, создали. Вот и учим здороваться, а не семиэтажно материться, учим благодарить, а не давать укорот хаму, хоть второе пригодится нашим ребятишкам едва ли не чаще. Мы

воспитываем честных и чистых, а надо — успешных, чего бы этот успех ни стоил, и самому, и другим. И не учим шагать по головам. Не ставим удар. Не воспитываем вполне социализированного бандюгана, поплёвывающего из окна навороченной «тачки» на разных там неудачников с мольбертами и скрипками, которые вечно будут тащиться по обочине.

Значит, всё наше воспитание — это всего лишь попытка оторвать ребят от жизни, выключить из круга сложившихся ценностей, привить им другие ценности — как раз такие, которые мешают жить, зарабатывать деньги, быть успешными?

Реальность

В метро — свободное место, на которое нацелилась дама, ещё мгновение назад ощущавшая себя кем-то вроде Бриджит Бардо и Катрин Денёв одновременно. «Можно?» — интересуется дама у одного из сидящих мужчин, как раз у того, кто занял сразу два места. Тот посмотрел на неё и не пошевелился. Зато другой, subtilный очкарик, сразу заёрзал на сиденье, стараясь ещё сильнее ужаться, чтобы женщина могла протиснуться между ним и внушительных размеров попутчиком. Дама, плюхнувшись

на сиденье и покосившись на грузного соседа справа, обратилась к очкарику, который оказался слева: «Да подвиньтесь же!». Тот вскочил и выбежал, укоряя себя за недогадливость: не уступил место женщине! А она, освоившись на сиденье, проворчала вслед вылетевшему очкарику: «Тоже мне мужчина! Места ему жалко!» И воззрелась на правого соседа, ища поддержки.

Не сомневаюсь: очкарик — тот, кого мы воспитывали. Учили сжиматься, краснеть, увидев перед собой стоящую даму, а потом всё-таки пулей вылетать в дверь, с трудом отыскивая её глазами, близорукими от лавины прочитанных книг. А вот грузный мужчина справа — тот, кого мы как раз недовоспитали. Не потому ли он, недовоспитанный, развалился на двух местах сразу, нисколько не сомневаясь, что это законно, правильно, естественно, а обращают внимание на всяких там трясущих пакетами над головой пусть другие. Они, другие, воспитаны так. Вот они пусть и сжимаются, и терзаются, а потом — пускай выпрыгивают, провожаемые ядовито-негодующим ворчанием...

А вот утренняя электричка, набитая битком. В ней едут студенты — и студенты. У первых, чересчур воспитанных в школе, контролёры проверяют билеты, на остальных, проносящихся по перрону в другие вагоны, смотрят в окно почтительно: «Во дают! Орлы!». Те, другие, никогда не берут билетов: в их среде это дурной тон — тратить деньги неведомо на что. А те, что тратят, скорее всего, просто ботаны или... Тьфу, что о них и говорить?.. Взял билет — это как собачий ошейник нацепил, на смех правильным людям...

Будем по-прежнему воспитывать вежливых, честных, любящих книгу, чтобы над ними от всей души смеялись другие — те, кто избежал нашего воспитания и потому вышел в люди? Будем и дальше втолковывать правила человеческого общежития, неведомо кем, для кого и для чего придуманные, воспитывая заливающихся краской стыда перед жизнью очкариков и исправно берущих билеты мальчиков и девочек, у которых из-за оби-

лия знаний просто не осталось сил на то, чтобы, ускользнув из-под носа контролёров, сэкономить пару сотен рублей? Будем оставаться фантастами, превратившими виртуальную страну справедливости в собственную резервацию и воспитывающими неудачников, боящихся всего на свете?

А может, просто иначе посмотреть на вещи — и, напевая строку пенсионного возраста:

Но я люблюсь родиной и не скрываю слёз, — просто понять, что, если без слёз на это не посмотришь, то пора начинать создавать такую родину, глядя на которую, хотелось бы не рыдать, а смеяться, весело и задорно? И видеть вокруг не разгул криминала и не вечных чересчур воспитанных в школе и дома инсургентов, с голодно-озлобленными глазами грозящих вслед эскорту бывших братков, а теперь чиновников первого звена, а общества труда, порядка и созидания, которому не стыдно именоваться одним из европейских народов.

Какими мы были? И вечно чего-то боявшимися и к чему-то стремившимися. И энтузиастами, и трусливыми обывателями. В конце концов задумались о новом воспитании нового человека.

Свобода и несвобода

Свободное воспитание — с какими невероятными трудностями пробивало оно себе путь в России! Мы сами, воспитанные десятилетия назад, могли ли мы представить себе, как оно, свободное, выглядит? Тогда, много лет назад, мы знали: в СССР мы — «скованные одной цепью», «связанные одной целью». И знали, что такое несвобода, страстно желая от неё избавиться. Несвобода — это «Голос Америки» ночью, еле пробивающийся сквозь всевозможные правозащитные глушилки. Несвобода — это уродливые произведения ширпотреба, которыми для камуфляжа задрапированы сиротливо пустые полки в магазинах, в то время как западные бренды, забугорная мода — это «внешнее», «наносное», «мелкобуржуаз-

ное», от чего мы должны были в едином порыве отказаться, как и, собственно, от желания одеваться по-человечески. Несвобода — это торчавший в самом центре Москвы памятник Дзержинскому, словно охраняющий заповедник тоталитаризма, который глухо и враждебно роптал, пытаясь хлебнуть глоток вожденной свободы сквозь глушилки и подчеркнуто предпочитая «внешнее», «наносное» и «мелкобуржуазное» установкам человеконенавистнического дома престарелых, уютно расположившегося за Кремлевской стеной.

Поменялась наша речь. Свободнее она стала, что ли... Мы принялись «стругать бабушки», искать «башлёвую халяву», умиляться «классной вороной в навороченной тачке», «брать на понт», «ставить на бабки». С упоением «садились на блатную педаль», а после рабочей недели особым удовольствием было «вэтануть по шопам за бухлом» и «удринчиться в умат», когда «ботва дротом и фишки в пучок». Искали вилку — лапшу с ушей снимать. Или прикидывались пиджачком: типа, с прайсом глухо, не облимонила я, рамсы попутал!

Неожиданно, в первую очередь для себя самих, открыв глаза, увидели: *«разрушение системы образования, усугубляемое его коммерчески ориентированным реформированием, привело к чудовищному падению уровня образования, лишаящему значительную часть современной молодёжи возможности претендовать даже на имеющиеся рабочие места»* (М. Делягин). А вместо тех самых инженеров и учёных с экранов на нас по-прежнему смотрят другие — этакий апофеоз того, за что боролись, нынешние культовые фигуры. Среди них — человек-паук, женщина-акула, светская львица, человек-волк, женщина-кошка. «Весёлый зоопарк», в котором все мы оказались в поисках свободы, венчают оскаленные волчьи морды на футболках и куртках наших потомков, услужливо предоставленные «восточным варварам», которым место — среди животных предков, создателями некогда «внешнего» и «мелкобуржуазного» клозняка. Это и есть торжество той свободы, ради которой мы — «и в бой, и в праздник, и на смерть»?

А «свободные» психологи уже чётко делят наших детей на «лидеров» (это как раз те самые пауки, львицы и волки?), «средних» (или просто «успешных», то есть не достигших торжества зоологического благополучия, но не вполне потерявших надежду его достичь) и аутсайдеров,

к которым в иные времена отнесли бы и нелюдимого Лермонтова, и теряющего сознание Достоевского, и печального Гоголя... Нет сегодня на таких социального заказа. Надо радоваться и не заморачиваться, если не хочешь, чтобы тебя записали в аутсайдеры. Не могут такие ни на понт взять, ни на бабки поставить — кто же они ещё?

И некогда нам, озабоченным постоянным зарабатыванием денег, поднять голову от кормушки и вспомнить, что такие стратификации — и тоже на уровне приговора, не предполагающего ни возражений, ни изменений, — уже были в истории. И приводили они к тому, что мы по старинке пока зовём «преступлениями против человечества». Но у нас это величают свободой...

А что такое — свобода?

Свобода — это когда мы серьёзно задаёмся вопросом, «сколько стоит» футболист, хотя до недавнего времени считали неприличным так говорить о людях вообще? Свобода — это когда вора в законе, именуемого Япончиком, хоронят как национального героя, накрывая гроб государственным флагом и тем давая остальным понять, государство для кого мы построили в неудержимом порыве быть свободными? Свобода — это когда побывавший зачем-то в руках милиции попадает после этого в больницу, где *«даже врачи были поражены жестокостью издевательств и помочь уже не смогли»*? (АиФ, 2010, № 4).

Кстати, мы говорили, много и справедливо, о жестокости НКВД. Но ни один служака из ведомства Вышинского — Ягоды — Берии не начал бы просто так («Раззудись, плечо!») стрелять по людям в магазине. Рассказывают об исправительной колонии в Екатеринбурге — там *«действовала «фабрика пыток», где из подследственных выбивали нужные показания»* (АиФ, 2008, № 22). Как сообщают «Новости» (23.09.2010),

«в обществе растёт агрессия по отношению к сотрудникам милиции, и это заметили даже в МВД. В этом году волна нападений на представителей правоохранительных органов прокатилась по всей России. Люди идут на крайние меры, потому что не верят, что государство может их защитить, считают эксперты, и призывают ускорить реформу милиции». А когда государство не защищает, а — в лице тех же милиционеров — нападает, стреляет или избивает, устраивая камеры пыток в отделениях милиции, мы говорим о неизбежных «издержках свободы».

Мы стыдливо осознавали, что зарубежные люди искусства не хотят ехать в тоталитарную страну, и это тоже справедливо. Было! И выставки нашей «одежды» тоже устраивали у себя, приехав обратно. Но вот прибыл Т. Руссо в Россию. А у нас — свобода! И «машину исполнителя подкараулили возле дома и, пока хозяин авто дождался открытия ворот, продырявили дверцу несколькими пулями. Парочка из них угодила Аврааму в ногу» (Мир новостей, 2009, № 4). Обратим внимание на иронию в самом стиле новостной статьи, словно это нечто банальное, о чём — игриво, иронично, словно о прелюдии к нетерпеливо ожидающимся настоящим новостям...

Мы говорили о прежних небожителях, что, мол, «страшно далеки они от народа». Теперь мы можем лицезреть имение эстрадной дивы и фантастическое авто нефтяного короля. Видеть, как представитель элиты рассекает по глади водохранилища, которое мы, вероятно, из средневековой дикости («И всё вокруг моё!») считали когда-то общей собственностью. А потом — «в подмосковном Тишкове отдыхающие проигнорировали табличку с надписью «Купаться запрещено». Водитель катера решил по-своему проучить нарушителей: он их сбил» (18.07.2010). Потом узнали о другом «водителе»: тот просто протаранил купальщика — и умчался, оставив то, что осталось от человека, плавать по воде водохранилища. Зато

свобода! Хочу — забиваю на разные там таблички с предупреждениями. Хочу — еду прямо на человека и давлю. Свобода!

За что боролись... А за что боролись? Конечно, за свободу. Кто против? Только, может, нас просто не приучили понимать, что это такое — свобода? И мы не приучили своих ребят. — «В московском подземном переходе шутники катались на внедорожнике «Toyota Land Cruiser» и снимали происходящее на камеру мобильного телефона... Как видно на видео, удивлённые прохожие расступаются, а появление работников транспортной милиции вызывает у компании смех. Дальнейший диалог показал, что водитель и один из милиционеров знакомы. «Стражи порядка» не только не задерживают автомобилиста, но и позволяют ему по лестнице выехать на улицу». (Москва, 6 апреля 2010. (Новый Регион, 6.04.2010). Это — свобода? Вероятно, мы что-то проглядели, когда пытались представить себе, куда идём, когда крушили памятники и переименовывали улицы, слишком надоедливо напоминавшие о тех страницах истории, которые хотелось бы вычеркнуть...

В подмосковном городке (почти таком же, как тот, с ткацкой фабрикой, в известной когда-то песне) 13-летняя девчушка с гордостью заявила, вернувшись после прогулки: — А мне мальчишки сказали: по твоим глазам видно — ты хочешь секса!

И, не понимая оторопи матери, принялась рассказывать о том, какой у кого мотик.

Что естественно, то не стыдно. И вообще, как герои известной писательницы — «свободный ребёнок свободной страны». Нет и мысли, что может быть иначе. Ей не сказали просто, что вся цивилизация — это попытка приучить дикаря носить платье и думать не только о том, что естественно. Но — свободный ребёнок свободной страны! И платье вмиг сорвано, вместе с наскучившей паранджой предрассудков вроде того, что нужно ходить в школу

и читать книги. Девчушка зато покраснела от смущения, увидев родственника:

— Ну зачем вы стали профессором? Ребятам не скажешь — засмеют: все профессора чокнутые!

Наивно думать, что это не результат психопрограммирования, освобождающего и от паранджи, и заодно — от трусов, а первобытная естественность как венец человеческого развития. Науки — для чокнутых и ботанов: нужно довольствоваться новостями из-под одеяла эстрадного кумира. И не стоит думать, что ты — на игле, причём гораздо более опасной и сокрушительной, чем все наркотики, вместе взятые. С наших детей пытаются сорвать то, к чему приучили тысячелетия цивилизации. Сорвать — за несколько лет, под этикеткой «свободы». Весь вопрос в том, для чего из детей — наших соотечественников — упорно делают троглодитов, способных снимать своё безумие на камеру мобильного, а науки, в соответствии с наставлениями «кумиров», оставляющих «чокнутым», о которых стыдно заикнуться...

Но это детишки. У взрослых понятия о жизни и забавы покруче — но тоже результат тотального программирования, преподносящегося как «свобода»: *«Житель Челябинска замуровал труп компаньона в бетонном полу. Однако уголовное дело по жестокому убийству закрыли... 28 марта 2009 года Алексей Корниенко уехал из дома на автомобиле «Toyota Land Cruiser». Машину его нашли спустя два дня у дома по улице Елькина в Челябинске... Убийство произошло в подвальном помещении офиса. Смирнов спрятал тело убитого Корниенко, залив его бетоном, в кабинете директора (РИА Новости» 18.12.2009)*. Если тут что и возможно понять, так то, что перед нами один из наиболее выразительных, но и корректных портретов того общества, в которое мы пришли сами, и той свободы, к которой привели своих потомков.

Результаты? *«28.08.10. По данным исследования рекрутингового портала Superjob.ru, 73% экономически активных россиян, если бы имели возможность жить в любой стране мира, покинули бы родину»*. Комментарии излишни.

Значит, есть что-то, о чём мы забыли в дебатах, поисках, экспериментах. И это загадочное «что-то» — идеология. Как ни удивительно для

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

нашего слуха, привыкшего связывать это слово с мрачными контекстами далёких 70-х, это звучит. Что это такое, идеология? Марксизм? Или, может, теперь наш приоритет — общество потребления, приходящее ему на смену? Как вообще она может выглядеть, идеология?

Идеология — это в первую очередь самостоятельность и свобода. Но не та, что оборачивается океанскими лайнерами для одних и местом у параша для других. Идеология — это забота о человеке — о таком, каким он станет, если эту заботу ощутит на себе. Если поймёт: для страны он не пустой звук и не орудие для выкачивания нефти. Он не продаётся, человек, и не боится потерять свой дом и свою жизнь. Когда люди гордятся своей страной, а потому и положили конец криминальным «бригадам», когда у них нет ни клочка невозделанной земли, когда не увидишь на улицах мусора, на дорогах — колдобин, а в глазах — растерянности, озлобленности и готовности служить хоть криминалу, тогда есть идеология как обоснование места человека на земле, того пути, по которому он идёт. Это не любовь к строю и не подчинение указам президента; идеология — психологическое и социальное обоснование всего, что делает человек в жизни.

Невозможно ни в какой стране мира строить социальное руками антисоциального. Идеология России в настоящее время может представлять собой лишь выживание страны и общества — а это можно сделать, только если избавиться от навязываемой «свободы», означающей движение стройными рядами в первобытную пещеру. Правда, с мобильниками в руках, но это сути не меняет.

Так что же такое свобода? И что такое свободное воспитание? Вероятно, это по-прежнему некое недостижимое и невдомое, подобное веками изучавшейся квадратуре круга... Вот только какие памятники пойдём крушить в поисках очередной истины? **В.Ш**